

ОТ АВТОРА

Настоятельно прошу не идентифицировать автора с персонажем. Конечно, «и из собственной судьбы я выдёргивал по нитке...», но это не он, автор. Это такой, какой мог бы быть. Как и его город – что это? Лесосибирск? Подольск? Кемерово? Владивосток? Красноуфимск?

Но главный герой – Кошка. Нет, это не воображаемый Тигр Тома Трейси Уильяма Сарояна, она была – такая кошка. Реальная, её можно было погладить. А остальное – ну так вот... Вот так...

1

Романа разбудил запах. Запах кофе. Так делала Вика, кофе невозможно было достать, покупали по случаю зелёный. Обжаривали, мололи, всё по науке. Вики нет. Кофе тоже нет. Приснилось. Проспали.

Ромка повёл сына в садик. Проспали, и уже совсем светло. Пришлось завтракать дома. Каша не удалась, получилась комочками.

По дороге Тимошка сказал, показав на ёлку:
– Смотри, папа, какие ветки!

Снег искрился в лучах солнца, которое вылезло уже над крышами. Низко над головами пролетел вертолёт, сделал зачем-то круг над близким перелеском, прямо над деревьями, и скрылся.

Тимошка запрыгал на снегу:

– Вертолёт, вертолёт!

У Тимошки есть сестричка – Лялька. Она постарше и пока что спит – ей в школу к десяти, потому что школа – специальная, музыкальная, она учится ещё в нулевом классе.

Обратно Роман пошёл вокруг пруда – это открытый бассейн, ещё подо льдом, прямоугольный, а за ним к городу подступал лес. Совсем близко. Работы сегодня не было.

Без Вики было совсем пусто, но за последние месяцы как-то всё притупилось, привыкали потихоньку.

Иногда приходила бабушка Зоя, Викина мама, отводила Ляльку в школу. Учила Ляльку тоненькая, но властная Мара Самуиловна.

Под ногами хрустел снег, пахло весной.

Роман пошёл в лес. Просто так. Пока спит дочка. Играли утренние лучи между ветвей. До аварии они часто гуляли здесь с Викой, Тимошкой и Лялькой, тоже просто так. Летом разводили на полянке костерок и запекали в огне хлеб и сосиски на веточках. Называлось «сходить на шашлыки» – в пяти минутах от дома, обычной хрущёвской пятиэтажки, крайней в микрорайоне. Жизнь так и разделилась год назад: на до аварии и после аварии. Ромка шёл и вспоминал, как они с Викой тут ходили, и звенели от мороза ветви кедров над головой.

Под деревом – вот обязательно под деревом, в сугробе! – лежал котёнок. Чёрный. Лежал неподвижно, и Роман содрогнулся: «Мёртвый». Большой, совсем кот уже. Без единого пятнышка чёрный. Роман присел на корточки – котёнок дышал. Глаза закрыты. Он взял его на руки. Тот был больше, чем показался вначале, – как щенок сенбернара.

2

До садика было не больше километра. Десять минут пешком. Иногда они ехали на машине, она стояла под окном – старенькая «хонда», которую года три назад, ещё Вика была жива, Роман купил с «постановочного гонорара» за какие-то смешные деньги. «Хонде» было двадцать лет, но бегала она резво. А прогревать двигатель было дольше, чем дойти до садика.

– Пап, а вот тут вот как красиво! И у ёлки ветки серебристые...

– Это не ёлка, а кедр. Так, к сведению.

– Угу...

Тимошка крепко держал папу за руку.

3

Котёнок на второй день встал. Первый день он лежал и часто дышал, ему из шприца для автомобильного аккумулятора (ареометр называется) давали прямо в рот тёплое молоко.

Малыш спрашивал:

– Пап, а он не умрёт?

Лялька перебивала:

– Чего ты мелешь! Смотри, какой сильный!

4

Утром назначена съёмка. Роман отвёз на машине в сад Тимошку и отправился к студии. Бабушка Зоя уже пришла, чтобы сходить с Лялькой в школу.

Зелёный «батон»-уазик, с заводской надписью «Кинохроникёр» на боку (а внутри – полки для аппаратуры), уже стоял у ступенек фирмы. Шофёр Гриша курил.

Роман «полицейским разворотом» припарковался рядом, чем Гришу весьма унижил и оскорбил: Гриша не умел делать «полицейский разворот».

– Вера, – сказал Ромка бухгалтеру, – не поверишь, отчего я сегодня на машине.

– Что-то новенькое? – Вера подняла глаза в чёрных ресницах.

– Нет денег на билет в автобусе. А бензин ещё есть. Зарплату-то дадут?

– Ну я вам насчитала, а там – не знаю...

– Ну дай в подотчёт рублей тридцать... С зарплаты и вычтешь. Как раз сегодня съёмочка.

5

Шофёр Гриша – «ночной гонщик». Это считается занятием противозаконным. У него «жигуль» – «шестёрка», «шоха». По его разумению, доведённая до фантастической красоты. То есть пружины подрезаны и она стелется брюхом по земле. Ну и сантиметров пятнадцать диаметром выхлопная труба, как будто там двигатель сил этак на семьсот. Но в двигателях Гриша не рубит, от его машины так несёт бензином, что сразу понятно, что никакими инжекторами тут и не пахнет, а пахнет карбюратором, который плохо отрегулирован и беспощадно заливает свечи.

На уазике он гоняет, как на своих «жигулях». Все болтаются внутри салона и кричат, что «не дрова везёшь».

Как-то в дальней поездке прилетел Грише в лобовое стекло камень от встречного грузовика. Стекло пошло мелкой сеткой трещин. Постояло минуту – и медленно, как в рапид-съёмке, осыпалось осколками на приборную панель. На переднем пассажирском сиденье никого не было, прилетевший камень торчал из задней перегородки кабины, там, где должен был сидеть пассажир. Застарелый спор о том, чьё это место – оператора или режиссёра, так и не решили, и Ромка, и оператор Серёжа, вчерашний «вгиковец», субтильный, подвижный такой – оба, вместе с осветителем Валеркой сидели-болтались в салоне позади кабины.

Валерка не терпел, когда его называли «осветитель».

– Осветитель – это прибор, прожектор. А я – светотехник!

Стекло высыпалось у Гриши перед носом. До Шушенского было ещё километров двести. И декабрь был. Или февраль... Словом, холодно. Сорок четыре градуса.

6

Сегодня же съёмка была в местном «зоопарке». Маленький подвал в краеведческом музее был оборудован для животных и пронизан их запахом, стеклянные перегородки, как в сегодняшних зоомагазинах. Там и жили морские свинки, гусь и достопримечательность города – крокодил Гоша. Он был ещё молод и всего-то метра полтора длиной. У него в вольере, или как это

назвать, был термометр, лужа и большой пенёк. В соседнем вольере за стеклом жил удав Вова.

Он своё имя не знал, как и крокодил, и не откликнулся, но его кормили белыми крысами из того самого зоомагазина.

7

Котёнок оказался кошкой. Безупречно чёрной, как в стихах, – «ослепительно чёрная кошка». С пронзительным взглядом. Считается, что животные не выдерживают взгляд человека. А она смотрела – свободно и спокойно. Прямо в глаза. Мурлыканье её было необычно низкого тона. Тыкалась мордочкой в руку, когда хотела поесть или просто ласково прижималась щекой, когда не хотела поесть. Взгляд жёлтых глаз был пристальный, Ромка не понимал, почему у него идёт холод от затылка по спине. Лялька гладила кошку и чесала ей подбородок.

Тимошка сказал, не слишком заботясь об оригинальности, после прочитанной ему вслух книжки про Маугли:

– Пап, давай будем звать её Багира.

Багира любит смотреть в окно. В окне виден снег. От угольной пыли с шахт он, если копнуть или просто сбоку на сугроб посмотреть, выглядит как торт «Наполеон» – слоями. Чёрный – белый – серый – чёрный – серый – белый... Вдали над городом горят уже много лет факелы над трубами: сопутствующий газ. Он горит всегда.

Ночью это даже красиво. Багира смотрела на эти громадные факелы янтарными глазами.

Ромка где-то вычитал, что кошка – это единственное существо в мире, которое не имеет запаха. Ничем не пахнет. Туалет её пахнет, еда пахнет, а сама кошка – нет.

8

В музее-зоопарке снимали крокодила по имени Гоша. Гоша лежал как палка, и даже дыхания не было видно. Смотрительница Люда достала щётку для мытья пола и потревожила Гошу, потыкала слегка в бок. Гоша лежал как пластмассовый. Люда потыкала посильнее. В Гошин хвост Гоша обиделся и бросился на эту щётку.

Всё обошлось благополучно.

В монтаже Роман отматывал несколько раз этот кусок: медленно, кадр за кадром. Вот кадрик, где Гоша лежит. А вот кадрик, где Гоша вцепился зубами в палку щётки. Один кадр в промежутке – смазанное движение. У камеры «Бетакам» скорость записи – пятьдесят кадров в се-

кунду. Ну полукадров, если по-киношному. Полностью, на сто восемьдесят градусов, с разворотом, с жёсткой атакой – эта, с позволения сказать, рептилия бросилась за одну двадцать пятую долю секунды! Такое неспешное животное, совсем неподвижное!.. Палка, кстати, пришла в негодность. Одно движение!

9

Шофёр Гриша не любил, чтоб его звали «шофёр». «Я – водитель!» – говорил он.

После того как остановились и повыбрасывали осколки стекла из кабины, Ромка перебрался на переднее сиденье, чтобы водителю Грише не было так одиноко и холодно без лобового стекла на сорока четырёх градусах мороза. За спинами заткнули тряпками и ящиками оконце в салон и поехали. На удивление, не было ветра – в кабине образовалась такая «воздушная подушка». Даже щёки не обморозили.

Снимали тогда «на кино», и к съёмочной группе везде относились уважительно. Вставить новое стекло помогли в райкоме партии (тогда была КПСС). Причём подходящего стекла не нашлось, и местные кулибины придумали стекло из двух половинок с палочкой посередине. Автобусик «батон»-уазик приобрёл своё оригинальное лицо. Всё сделали бесплатно. И покормили в райкомовской столовой, очень вкусно пахнувшей свежей выпечкой, уже по стандартной таксе.

В Шушенском была художественная школа с балетными классами. Бежала по ступенькам девочка в балетных туфельках, Серёжа снимал её в отражении двери, Ромка двигал дверь, как было нужно. Здесь был запах советского учреждения – бумаг, гуаши и балетного пота в танцклассах с зеркалами.

На фасаде – барельеф Ленина, и по потёртостям было понятно, что ему всё время что-то пририсовывают, а потом эту краску стирают. И после был опять-таки зоопарк. Вроде того, что сегодня, только без крокодила и питона.

10

Это не был зоопарк в обычном значении слова. Впрочем, пах зоопарком.

11

Котёнок окреп.

Анька, знакомая врач-ветеринар – заводчица собак, посоветовала по телефону вколоть ему но-шпу.

– Купи, Ром, разовый шприц и втыкни. От шока. Он откуда-то упал, так падают с этажей.

– Блин, откуда тут этажи? Тут лес.

Вспомнился вертолёт над лесом.

– Мало ли, всё равно воткни.

– А куда тыкать-то? В зад? В лапку?

– Рома! Попади в кошку!!!

Котёнок, «ослепительно чёрный», стоял на третий день всеми лапами и смотрел янтарными глазами.

Большой, как щенок сенбернара.

Смотрел в окно.

12

Зоопарк был не для публики – сюда было не добраться. Преддверие горы Белухи. Почти что Гималаи. Добрая душа лесничий Петрович собирал животных в тайге. Ходил «по шишки» – дубасил по сосне поленом, шишки валились. Промысел такой. Потом орехи в город вёз. Сосну здесь называли кедром, а по книжкам она называлась «сосна корейская». А всё одно – кедр. Красивый, стройный. Ещё в старину называли его «корабельная сосна» – для мачт парусных кораблей. Шишки были большие, в справочниках назывались «ананасоподобная шишка».

У Петровича жил медведь. Он соорудил ему загон с решёткой, чтоб мишка не удрал. Мишка был взрослый, нос – как пачка «Беломора», невероятно громадный. Он был добрый, можно было засунуть руку между прутьев решётки и погладить его. Зубы, как сигарета, длиной, только толстые и жёлтые. Ещё жил у него волк. Волчица, точнее. У неё не было передней лапы. И имени. Вместо лапки торчала круглая кость, как пистолет. Волчица была лёгкая, величиной с собаку.

Сняли и их, и лисичек ещё – а всё одно, в фильм не вошло... Полосатые от угля сугробы даже здесь были, хотя, вроде уже горы...

13

Багира росла. За эти месяцы она сделалась величиной с собаку-лайку. А ведь кошка как бы. Мурлыкала, как обычная кошка. Очень ласковая. Чёрная как смоль. Глаза светятся. Усы торчат гитарными струнами. И всё смотрит в окно. Как-то вернувшись в дом поздно вечером, уже темно (малыши гостили у бабушки, Ромка записывал диктора), он не увидел Багиры на привычном месте – подле дивана у неё лежал плед в красно-чёрную клетку, а-ля Шотландия. Её плед. Она не встретила его у двери, и возле ди-

вана её не было, нигде не было. Была открыта дверь балкона. Седьмой этаж.

Ромка бросился на улицу.

Мучительно долго поднимался лифт, Роман не стал ждать и через две ступеньки слетел по лестнице.

Багира лежала – как тогда зимой – под деревом. Он взял её на руки. «Блин, килограммов тридцать ведь уже», – машинально подумал он.

– Анюта! – кричал он в телефон подружке-врачу. – Чё делать-то?

– Ну воткни ей но-шпу, как тогда, ты же знаешь!

– И что?

– И ничё. Если ничего не сломала – очухается. Лапки потрогай. Раз у тебя дерево у балкона, значит, она по дереву летела, по веткам, затормозила. Голубей, наверное, на твоём балконе ловила. Или на соседнем. Понаблюдай без паники. Звони, рассказывай, как и что.

У Ромки шло озвучание фильма, и он подложил в финальном эпизоде, пожалуй, излишне напряжённую музыку.

Она лежала всего один день.

Он поил её тёплым молоком, есть она не хотела.

Ушёл к бабуле Зое за малышами.

Багира лежала на своём месте, положив голову боком на пол.

«А вдруг умрёт? – думал Ромка. – Совсем она грустная, может, отшибла внутренности-то какие...»

Рассказал малышам и бабуле о происшествии. Бабуля Зоя относилась ко всей этой истории двойственно: ей Багира нравилась, но как стала подрастать, то женское начало в бабуле Зое возобладало. Безопасность.

– Ромка! Это дикий зверь! Мало ли что! Сдал бы ты его куда!

– Ещё бы знать куда. Ей нельзя в зоопарк, погубят её, она там погибнет. Нельзя ей в клетку!

Пришли, снимали сандалии у порога.

Багира как ни в чём не бывало сидела на клетчато-шотландском пледе. Смотрела на них. Если бы она была собакой, то виляла бы хвостом.

Ромка поменял музыку в финальном куске картины.

14

После зоопарка поехали дальше.

Страшное место. Пусто. Всё серое. Здесь раньше добывали золото. Где-то неподалёку был завод. Даже трава серая. Ржавая колючая

провокола. Озеро, где и вода серая, стоит как асфальт. Проржавевшие знаки: «Проход запрещён». Снимать не разрешили.

Ромка думал: «А почему пахнут металлические хромированные ручки в автобусах? Ведь сталь вроде не испаряется, а ладошка после такой трубы пахнет железом».

Возле серого озера с неподвижной асфальтовой водой пахло серной кислотой.

15

Кошка Багира ходит рядом с Романом. Как овчарка.

Ромке пришлось изменить свой режим дня – Багиру нужно было прогуливать на улицу, фотографическая кювета с песочком сделалась маленькой. Ошейник на неё не наденешь, намордник не подойдёт ни от какой собаки.

Кстати, собаки шарахались от Багиры прочь – задолго, как Ромка их успевал увидеть. Но круглосуточный магазин работал, Ромка заходил в него, чтобы купить сигарет, или пива, или к завтраку сыру. Багира, как памятник на постаменте, сидела неподалёку от входа на бетонной плите с чугунным люком. В магазин не заходила. Ждала его. Шла домой возле ноги, как Мухтар у Юрия Никулина в фильме.

Никакого поводка-верёвочки, никакого ошейника.

Он так и думал, но всё ещё не верил.

Пантера.

Пантера не может быть ласковой, она не должна уметь мурлыкать. Да и откуда пантера в наших краях?

В «Новостях» сказали, что четыре месяца назад во время облёта каких-то лесных угодий у вертолёта открылась дверь, или как она там называется. Они навещали лесничих, перевозили животных для цирка, который приехал на гастроли, и что-то ещё.

Тигр у американского мальчика Тома Трейси был воображаемый. А это чёрное с янтарными глазами – простите, настоящее! Мурлычет, если за ушком чесать.

Пантера. Чёрная пантера.

Багира.

16

Когда-то в Хакасии снимали лошадей. Для киножурнала. Забрались в огромной конюшне по лестнице наверх, искали точку съёмки, чтоб были видны лошади, а не прятались за доска-

ми загона. Тогда ещё была чёрно-белая плёнка. В стойле стоял жеребец. Его звали Вася. Серый в яблоках, как на картинке в детской энциклопедии. По паспорту он был Апартамент Третий. Орловский рысак. Но обращались к нему: «Вася».

Директор конезавода предупредил, что жеребцы не всегда дружелюбны и следует проявлять осторожность. Вот не предупреди бы он – и ничего бы не было.

У оператора Димы – рыжий такой, вихрастый, тоже молодой парень – на «лошадиной» съёмке в прошлом году снесли камеру. Лошади. Но тут был загон, точнее, конюшня, лошадой «на выгуле» уже отсняли. Надо было снять, как они едят, ну, в общем, дома у себя. Рысак этот, сказали, стоил, как новенькая «Волга». Спустились, подошли к рекордному жеребцу Васе.

– Осторожнее, всё-таки жеребец, близко не подходите, – предупредил весёлый конюх. Его звали Витья, с ударением на «я». – Очень уж норовистый, свирепый, кусается!

Пока Димка ставил штатив, этот Апартамент Третий, по прозвищу Вася, весь извёлся в загоне. Как рыбка в аквариуме, которая тычется носом в стекло – то туда, то сюда. Вася метался по тесному загону вправо-влево непрерывно, непрерывно храпел и попросту ржал над людьми – в каноническом значении этого слова. Загон именно этого жеребца – самого дорогого и самого-самого красавца – был обшит доской-пятёркой. Выше роста человека. Ромка и Дима размышляли, как отснять это серо-яблочное чудо, гордость хакасского коневодства. Над досками изредка появлялись прядяющие нервные уши рысака.

Конюх Витья пообещал прогулять Апартамент Васю на площадке, но чуть погодя, пусть других лошадей уберут покамест. Словом, размышляли и примерялись, где ставить камеру. Жеребец Апартамент Третий – Вася устал топтать копытами внутри загона и задней ногой слегка всадил в стену – на уровне Ромкиного роста. Но Роман стоял лицом к загону, а рядом, спиной к жеребцу, стоял Димка. Его спасло чудо: именно в эту секунду он наклонился к камере на штативе. Две толстые доски от чудовищного удара копыта этого рекордного Апартамент разломались, вылетели и повалились на Димку, конюх Витья отважно подскочил к развернувшемуся уже мордой жеребцу и схватил за уздечку. «Отойдите дальше, туда уходите, уходите туда,

чужой запах, пахнет чужой, не любит!» – Он показал подбородком за дверь конюшни.

С лужайки конезавода уводили лошадей. Димка держал одной рукой камеру, другой тёр ушибленный сломанной жеребцовым копытом доской затылок.

Роман поправил на плече сложенный штатив:

– Димка, а ведь он тебя мог убить, ты просто наклонился почему-то... – Ромка снял штатив с плеча и осторожно поставил на траву. И ещё более осторожно сел рядом, придерживаясь за него.

17

Мара Самуиловна учила Ляльку музыке своеобразно. Месяца три она только настраивала ей миниатюрную скрипочку-восьмушку, и Лялька указательным пальчиком дёргала открытые струны, не зажимая их на маленьком грифе. «Ми-ми-ля-ля-ре-ре-соооль! Соль-соль-ре-ре-ля-ля мииии!» Кроме того, Лялька училась держать в правой руке карандаш. Не смычок ещё, а просто обыкновенный карандаш, но в той позиции, как нужно держать смычок.

Попадание Ляльки в эту «продвинутую спецшколу» вообще было странным и непредсказуемым.

Ромкина школьная подружка Машенька к тридцати годам сделалась завучем музыкальной школы. Как-то сидели на кухне, ещё в Ромке-Викиной хрущёвской «двушке», с Викой, пили кофе с печеньками, тогда только начали продавать заграничные, в красивых блестящих упаковках, с нарисованными клубничками или бананами.

– Ромка, Вика, а вы собираетесь-то Лялюшку музыке учить?

– Маш, она, по-моему, решительно глухая, – сказал Ромка без печали.

– Ну в смысле музыкального слуха, – пояснила Вика.

– Та-ак! – Машенька отодвинула чашку, поднялась из-за стола и пошла в комнату к пианино.

– Ляль! Лялюш!!! – позвала Ляльку.

Та прибежала из детской.

Тимошка играл в кубики.

Некоторое время они – Маша и Лялька – шептались у пианино и осторожно лялякали. Машенька нажимала клавиши по одной. Ромка и Вика пили кофе и хихикали на кухне.

– Так! Друзья мои! – Маша отбросила бамбуковую занавеску кухни, та забренчала индейскими тамтамами. – Так. – Машенька оглянулась и понизила голос: – Дурак ты, Ромка. У нее абсо-

лютный слух! Она просто голос ещё не умеет координировать, сопоставлять с нотами.

Роман и Вика переглянулись.

– У меня к вам предложение, – продолжала Машенька. – На пианино учёба у нас стоит двадцать пять рублей в месяц. Но вы её и так научите играть рано или поздно. А не отдать ли вам её на скрипку? Три пятьдесят. В месяц. Скрипочка для ребёнка в ГУМе стоит, по-моему, восемнадцать рублей, уже со смычком и футляром.

Вика и Ромка снова посмотрели друг на друга.

Так в одночасье решила судьба девчонкина.

Ей всё равно устроили официальное «прослушивание» – всем педсоветом, уже был в разгаре учебный год, здесь-то и взяла её к себе Мара Самуиловна – с властным голосом, молоденькая и невесомая, с прямой, как у балерины, спиной. Ромка после этого сделался «папой той самой девочки» (он нечаянно подслушал разговор учителей).

Когда пора репетиций с карандашиком подошла к концу, Мара Самуиловна сказала, что смычок вообще-то (и в частности) должен быть белый, а не чёрный.

– В каком смысле? – не понял Роман.

– В том смысле, Роман Валерьевич, что играет смычок по струнам вот этим местом, – она показала, провела большим пальцем по смычку от колодки до конца. – Это называется волос. Вот этот жгут – это просто конский волос. Его привозят нам, например, ну, скрипачам, друзья с заграничных гастролей. Там есть специализированные магазины, волос продаётся специально, в коробочке.

Ромка не понял:

– А у нас что, не волос тут?

– Нужен белый волос, а не чёрный. Чёрный звучит хуже, – снисходительно пояснила Мара Самуиловна. – У мастеров есть волос, им привозят, я вас познакомлю со скрипичным мастером, он вам поставит белый волос, это недорого, по-моему, рублей пятьдесят вам будет стоить. Или шестьдесят.

Ромка растерялся. Зарплата его в те времена была сто тридцать два рубля.

– Да, спасибо, – робко проговорил он. – Я в ближайшие дни к вам обращусь, мы сделаем как надо.

18

Другой выезд съёмочной группы был в цирк. Роман снимал там сюжет для телевидения. Про

акробатов. Взял с собой Тимошку. Тимошка осторожно ходил по закусью и навсегда запомнил дурманящий запах цирка и вольеры с хищниками. Ещё там были огромные лошади – с расчёсанными гривами, белые, как из мультика. Цирк был временный, шапито, здоровенный купол-палатка. Рядом на траве стояли качели и карусель с лошадками... Позади были вагончики – гримёрные, костюмерные, из них почти обнажённые гимнастки и акробаты (было неловко на улице, где все одеты и ходят в брюках и пиджаках) перебегали по песочной тропинке в цирк на свой номер.

Съёмка в цирке была обыкновенной. Проектора, летающие гимнасты, акробаты, интервью в гримёрной после выступления. Среди ведущих номеров был номер конный. На тяжёлых белых лошадях – породы «русский тяжеловоз» – выступали эквилибристы и жонглёры. Лошади летели, тщательно расчёсанные гривы развевались. Тогда-то Ромке и пришла в голову мысль насчёт лошадиного хвоста.

В цирке Тимошка задал этот же вопрос, как про котёнка, – про спящего неподвижного крокодила. Было впечатление, что это манекен.

– Пап, а он не умрёт?

На другой день Ромка решил спросить в цирке у директора. Про конский волос. Уже после репортажа о гимнастах и акробатах.

Директор цирка удивился, но удивление тщательно скрывал:

– Ну, конечно, Роман, идите, вот Селиван, он покажет, куда идти.

Здоровенный Селиван внимательно от носков кроссовок до макушки осмотрел Ромку и потом Тимошку.

– Ну пойдём. А чем отрезать будете?

– Вот... – Роман достал из наплечной сумки огромные бабушкины портновские ножницы прошлого века.

– А-а... Пойдёт. Ну, тут вы уж сами. Она добрая.

19

Котёнок в считанные дни сделался как-то вдруг пантерой. Настоящей, уже не было сомнений.

Однажды Ромка, вернувшись с работы (шли последние дни монтажа очередного «шедевра»), с малышами, забранными из школы и садика, обнаружил странную картину.

Войдя, они остановились на пороге: Роман, Тимошка и Лялька. По дому летали перья. Покачиваясь в воздухе.

Была открыта балконная дверь. Багира сидела спиной к балкону, лицом к ним, вот не поворачивался язык даже мысленно сказать «мордой». Сидела, довольная, облизывалась и мурлыкала.

«Балкон был весь раскрыт, и перья в нём дрожали», – подумал Роман. Сначала он было решил, что она изорвала подушку. Потом нашёл у дивана голубиный хвост и кровь на полу. Он спросил у Багиры, что это такое. Та подошла и слизала кровь с пола. Подняла голову, посмотрела на него жёлтыми глазами.

20

Отрезать пучок волос из огромного хвоста лошади оказалось совсем непросто. Из-за пышности «причёски» тяжеловозов им было глубоко наплевать на то, что некоторую прядь отстригут. Но, во-первых, бабушкины ножницы отказывались резать прочный, как рыболовная леска, конский волос. Во-вторых, при ближайшем рассмотрении этот конский волос был, всё-таки, хвост! И в-третьих (а точнее, это в-самых-первых!), копыта у русских тяжеловозов с летящими, как в мультике, гривами были диаметром и, наверное, весом – как пудовые гири.

В общем, Роману отступить было некуда, рядом был Тимошка, который не видел, как доску проламывает копыто орловского жеребца – лёгкого рысака для скачек. Попросту Ромке было страшно.

Русский тяжеловоз – мама дорогая...

Запах цирка впитался в куртку, в ладони. Нет, это не запах конюшни или гримёрных – это запах цирка, с опилками на арене, клетью с голубями, с его леопардами, львами, обезьянами, пантерой в клетке и слоном и даже с питоном по имени тоже Вова (только это не был тот самый питон из зоопарка-музея, но похож был как две капли воды). С ним работала дрессировщица Дорофея, таскала его на шее, он весил килограммов пятьдесят, номер пользовался успехом.

Запах цирка – это то, после чего тот, кто прикоснулся к цирку, уже из него уйти не сможет.

Ромка испытывал двойственное чувство. С одной стороны, он видел восторг Тимошки и сытых, лоснящихся животных, лёгких акробатов, которые подпрыгивали, как мячики, клоунов... И – решётки перед глазами львов, пантер и тигров, и взгляд из клетки – совсем далёкий от дружелюбного.

Возле квартиры увиделись с бабушкой Зоей и Лялькой – они пришли из музыкальной школы. В доме Багира встретила необычайным мурлыканьем. Вчера она после съёмок в цирке обняла Романа и отошла в некоторой задумчивости – села и весь вечер смотрела в окно. Даже уже в сумерках. Сегодня она вела себя как котёнок, заплетаясь в ногах. Если не считать сорока или уже пятидесяти сантиметров её роста.

Пили с бабушкой растворимый кофе, она делала Ромке прежде, чем себе, – ломтик лимона, сахар, кофе, всё это разминала в чашечке, капельку кипятку, получалась пенка, как в кофемашине в кафе, а потом уже только кипятком до полной чашки.

Когда бабуля Зоя ушла, молодёжь принялась смотреть мультики. Притом некоторая часть молодёжи прыгала по дивану до потолка. Совершенно бессознательно Ромка ощутил необычайный прилив нежности к малышам. Сгрёб их в охапку. Потом пели песенки под гитару. Разогрели и доели кашу, которая комочками, но проголодались и поели с удовольствием.

Покормил Багиру – уже несколько недель он покупал для нее мясную обрезь на рынке, кто-то посоветовал – «дешево и сердито»...

Потом он вспомнил про смычок и конский волос из цирка – он был в наплечной сумке, она висела в прихожей на гвозде, волос лежал свёрнутым пучком в полиэтиленовом пакете.

Роман достал пучок конского волоса, он стал похож в руке на малярную кисть для побелки.

Багира пристально наблюдала за ним, поднимала нос и вдыхала запах. Ромка пошёл в ванную отмывать пучок от навоза. Под горячей водой с детским шампунем жёлтый конский волос делался понемногу белым. Несколько раз кошка тыкала Ромку лбом под коленки так, что он едва не упал, мурлыкала, как бульдозер «Катерпиллер». Она явно хотела что-то сказать.

Всё нюхала пучок конского волоса в руках у Ромки, тревожно поднимала нос, поднимала уши не как кошка, а как собака, вся напряжённо вытягивалась струной, снова садилась.

– Что, милая, хреново тебе тут... Что же с тобой делать-то...

Багира вставала на задние лапы и лизала Ромку в лицо.

«Блин, сожрёт кого-нибудь, – думал Ромка, сидя на борту ванны. – Силища-то какая... С неё

станется, инстинкт выберется рано или поздно...» Волос быстро высох, и Ромка стал изучать устройство смычка, чтобы заменить чёрный волос на белый. Платить шестьдесят рублей незнакомому мастеру – вот уж дудки! Мы и сами с усами!

Малыши спали.

Часа в четыре, под утро, смычок был готов. Всё по науке, Роман долго разбирался, как вставить клинышек туда, где крепится пучок конского волоса, и как добиться, чтобы волос распределялся ровной белой полосой. Всё получилось, он был доволен результатом. Натёр измельчённой в ложке канифолью волос, даже потрогал им струны маленькой Лялькиной скрипочки, цепляется ли.

И только тут обнаружил, что всё это время, ещё с раннего вечера, когда малыши по дивану прыгали, Багира сидит и молча наблюдает за ним. Не спит на своём шотландском пледе у дивана или на диване (тоже бывало), а сидит и смотрит на него жёлтыми глазами. Это получалось – Ромка посмотрел на часы – она так сидит уже восемь, даже почти девять часов. Сидит и молча смотрит.

Роман прикрепил смычок внутри скрипичного футлярчика, закрыл его. Посмотрел на время. Без двадцати пять. Совсем светло. Совсем утро.

– Ну пойдём, раз такое дело. Пойдём погуляем.

22

Огромная кошка в утренних сумерках, без поводка, шла впереди Романа.

Светало.

Изредка она оглядывалась, садилась и поджидала, пока он подойдёт ближе. И снова поднималась и шла вперёд. Не бежала – шла так, чтобы он мог идти в своём ритме шагов.

Пахло осень.

Один раз она поторопила Ромку – потянула зубами за штанину джинсов, когда он остановился прикурить.

Она привела его к цирку. По его же недавним следам, надо полагать.

Цирк давал последние представления в сезоне, карусель ещё не разобрали, а качелей уже не было. Потрёпанные афиши слабо трепыхались на двух круглых тумбах возле палатки шапито.

Багира уверенно на несмышных чёрных лапах привела Романа к служебному входу.

Ромка поначалу мешкал, но потом бросил сигарету в урну у входа и повернул ручку двери.

За конторкой дремал огромный Селиван. Раскрыл глаза, улыбнулся Роману:

– О! Какие люди! Не прошло и полчаса! Да и время – самый полдень!

И увидел Багиру. Встал медленно и так же медленно сел снова.

– Э-э... Ух ёпть... Ты... Э-э... Вы... Где это взял?..

Багира огляделась и пошла по коридору. Она не пошла к арене, она шла к клеткам.

Оглянулась, идёт ли Ромка за ней. Он пошёл. Селиван бросил свой пост и тоже двинулся следом.

Они прошли мимо дремавшего слона, мимо лошадей – русских тягеловозов, мимо проснувшихся голубей, зевал огромной пастью лев Цезарь, открыл глаза, увидел Багиру, встрепенулся. Она не обращала ни малейшего внимания, она шла вперёд.

Последние метры Багира двигалась безошибочно, она пролетела их бесшумно и молниенос-

но, не оглядываясь уже и не присматриваясь к обстановке, словно знала заранее. Она взлетела на клетку с пантерой, сверху тоже были стальные прутья. В соседних клетках проснулись два леопарда. Но ей нужна была именно эта клетка.

Там стояла, подняв голову, такая же «ослепительно-чёрная» пантера, покрупнее Багиры. Багира спрыгнула на пол.

Они смотрели друг на друга янтарными глазами.

Багира сделала неслышный шаг вперёд и ткнулась лицом между прутьев решётки.

Запах.

Запах цирка.

Запах матери.

Носом прямо ей в нос упёрлась пантера изнутри клетки. Мама.

Ромка и здоровенный Селиван растерянно смотрели на них.

Дома у Ромки спали в кроватках малыши: Ти-мошка и Лялька.

